

Информационное обеспечение Союзного государства и защита интеллектуальной собственности

Титова Елена Олеговна, к.э.н.,
доцент кафедры экономической теории
и экономического воспитания БГПУ имени М.Танка,
Минск

Проблема эффективности государственного регулирования экономики Союзного государства упирается в информационный характер новой экономики. В настоящее время разработка этой проблемы еще только начинается. В Уставе Союза Беларуси и России определено в числе задач в экономической сфере «создание и развитие общей инфраструктуры, и в первую очередь объединенных транспортной и энергетической систем, системы связи, единого научно-технологического и информационного пространства» (Глава II, статья 9 Устава). Недооценка информационной составляющей управления союзной экономикой тормозит процессы интеграции, снижает эффективность их государственного регулирования.

Для изучения роли информационных факторов развития интеграции обратимся к теории информационной экономики. Американские и японские, затем европейские исследователи – Д.Белл, Р.Махлуп, Ф.Фукуяма, Т.Умесао, Э.Тоффлер, М.Гидденс, М.Кастельс и другие развили теории информационного общества, изучили его технологические, экономические, социокультурные и политические предпосылки и признаки [1].

В отдельную группу исследователи выделяют теории информационной экономики [2]. Так, насчитывают не менее шести подходов к определению информационной экономики: технологический, экономический, трудовой, пространственный, потребительский, креативный. Представители технологического подхода считают, что появление такого количества новых продуктов – электронно-вычислительных технологий – неминуемо приведет к глубоким социальным изменениям. Но технологии не являются как таковым социальным явлением. Экономический подход (Ф.Махлуп, М.Порат, Г.Шиллер) изучает превращение всех видов информации в товар. Трудовой (Д.Белл) утверждает, что доминирующий тип труда определяет тип общества. Однако люди, занятые в информационных технологиях, сравнительно немногочисленны. Пространственный обращает внимание на сети (М.Кастельс) – горизонтальное распределение компетенций и прав управления. Однако сети в экономике существовали и в индустриальный период.

Таким образом, эти подходы не доказывают ни того, что должна появиться принципиально новая экономика, ни того, что серьезно изменятся отношения собственности, управления и власти, ни даже роста производительности труда в результате всех этих нововведений. Поэтому трудно выделить критерии эффективности государственного управления и экономического регулирования в специфических условиях интеграции новой, информационной экономики. Необходимо отметить, что нас интересует не вещный фактор появления новой, информационной экономики, а то новое в общественных, социально-экономических отношениях, что появилось в связи с формированием сектора информационно-коммуникационных технологий, что качественно отличает эту экономику от изученной ранее старой, индустриальной. Поэтому наибольший интерес представляют новые теории управления информационной экономикой, опирающиеся на достигнутый опыт, а не на утопические прогнозы. В рамках этих теорий информационное общество должно управляться электронным правительством.

Новое в оценках эффективности государственного регулирования – степень и качество его информатизации, и здесь важно отличать простое накопление техники и массивов информации от умения их правильно использовать. Кроме того, ожидается, что принципиальные изменения в технологиях управления должны привести к существенным изменениям его характера.

Эволюцию теории государственного регулирования информационной экономики лучше всего проследить в сопоставлении западных и отечественных теорий. Трудно сказать, кому принадлежит приоритет в развитии концепции и практических приложений электронного правительства. Несмотря на огромный задел отечественной науки в этой области исследований, она не придавала сколько-нибудь принципиального значения электронному правительству, и не пользовалась этим термином, рассматривая роль электронизации процессов управления как чисто техническую, ничего нового не приносящую в систему экономических отношений. Поэтому рассмотрим вначале западные теории электронного правительства.

Термин «информационная (точнее, «информационная») экономика» впервые появился в работе М.Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», вышедшей в 1998 г.[3]. А.Тоффлер в 1990 г. опубликовал книгу «Метаморфозы власти» [4], в которой описывает изменения, происходящие в системе управления обществом в связи информатизацией всех сторон общественной жизни. В 2000-х годах ряд авторов опубликовал книги, в которых описывается влияние распределенных компьютерных сетей на конкурентоспособность отдельных предприятий, отраслей и стран [5].

Наиболее важным критерием появления новой, информационной экономики и принципиально новых изменений в управлении ею, указанным в этих работах, представляется ее сетевой характер. Вся современная экономика, производящая товары и услуги, представляет собой совокупность сетей: товаропроводящих, сервисных, инфраструктурных (транспорт, связь, СМИ, жилищно-коммунальное хозяйство, тепло-, водо-, газо-, энерго-, электроснабжение), финансовых и так далее. Их дублируют информационно-управляющие сети: коммерческие (банковские, электронной торговли, платежно-расчетные); сервисные (юридические, консалтинговые, справочные); государственные (правительственные, таможенные, пограничные, налоговые службы и т.д.); учебные, научные, космические. Суперпозиция этих сетей и является, на наш взгляд, коренным отличием новой, информационной экономики от старой, индустриальной.

Возможный конфликт: между централизацией и децентрализацией управления, между центральным и периферическими узлами сети или, выражаясь в терминах XIX-XX веков, между формами собственности: частной и государственной. От его постановки и решения, возможно, зависит дальнейшее развитие информационной экономики.

Западные исследователи выделяют как новое в системе отношений информационной экономики появление эпистемических групп. Это – группы, пришедшие на смену экспертным группам, вырабатывавшим решения правительств в индустриальную эпоху, или группы, «стоящие около» власти. По определению П.Хааса, признаками эпистемического сообщества являются: общность ценностей, понимание характера связи между действиями правительства и их результатами; общность критериев истинности знаний; общие политические инициативы [6,7]. По определению К.Л.Линча, это – «группы лиц, имеющих общие интересы и обладающих сходным профессиональным опытом, способных оказывать влияние на формирование различных аспектов государственной политики» [7,8]. Исследователи задаются вопросами о лояльности этих групп к действующему правительству и поставленным им целям и задачам, которые можно решать с большим или меньшим учетом тех или иных социальных групп и слоев, и о постоянстве состава этих групп. Являются ли они замкнутой кастой и существуют ли длительное время, решая сходные виды задач, или собираются для решения определенных постановок вопросов всегда в разном составе? Возможно, возникнут и новые вопросы, но эти надо решать уже сейчас.

Третье новое явление в управлении информационной экономикой – это «сервисное государство» [9], или государство, ориентированное на оказание услуг. В числе основных аспектов инноваций в государственном управлении исследователи указывают внедрение клиентоориентированных услуг в государственном управлении. По определению, «государственные

услуги – это система распределения, основанная на следующих принципах: определенных стандартах услуг и методах их оказания; системе стимулирования государственных служащих для предоставления качественных услуг; эффективном мониторинге и системном обзоре выполнения государственных услуг; и самое главное – на понимании нужд и потребностей граждан» [10]. Таким образом, на смену государству – «аппарату подавления» идет государство – служащий, ориентированный не на подавление несогласных и неугодных, а на оказание услуг. С одной стороны, государство, как «центральный узел сети», рано или поздно подключится ко всем сетям как та или иная составляющая процессов управления. С другой, это будет уже иное, «сервисное» государство, а не тот вариант, который изучен в индустриальную эпоху.

В целом западные теории информационной экономики определяют роль государственного регулирования, его качества и эффективности прежде всего с позиций его открытости, демократичности и либерализации, то есть уровня развития электронного правительства и электронной демократии, а также уровня и степени использования технических средств ИКТ. Более конкретные выражения западных теорий электронного правительства можно найти в рейтингах, опубликованных в Интернете, где по сложным для расчета методикам, но в доступной для восприятия форме даются оценки электронизации национальных правительств мира. Занять достойную позицию в них – цель каждого национального правительства.

Оценки уровня развития электронного правительства и электронной демократии стран европейского региона с Республикой Беларусь, можно найти в рейтингах электронной готовности стран мира [11]. Они приведены в таблице 1.

Таблица 1. Место Республики Беларусь среди стран региона по уровню электронной готовности правительства по данным мировых рейтингов за ряд лет.

Страна	2005 год	2008 год	2010 год	2012 год
Беларусь	51	56	64	61
Российская Федерация	50	60	59	27
Украина	48	41	54	68
Казахстан			46	38
Литва	40	28	28	29
Латвия	32	36	37	42
Эстония	19	13	20	20
Финляндия	9	15	19	9
Чехия	29	25	33	46

Венгрия	27	30	27	31
Польша	38	33	45	47
Болгария	43	45	44	60
Румыния	44	51	47	62
Молдова	109	93	80	69

Источник: (E-Government Survey 2012 E-Government for the People Department of Economic and Social Affairs – 160 p. New York 2012, pp. 37-38. Адрес доступа: <http://www.unpan.org/e-government>).

Рывок, позволивший России за два года повысить рейтинговую позицию с 59 до 27 места, опередив ряд стран-членов ЕС, заключался в том, что страна не просто приняла ряд программных документов и подготовила всестороннее правовое обеспечение развития электронного правительства, а уделила большое внимание созданию и развитию региональных электронных правительств. Кроме того, сказался богатейший отечественный задел по формированию электронных центров и сетей, обслуживавших самые разнообразные запросы управления.

Для понимания, из чего складывается рейтинговая оценка, в отчете даются ее компоненты. Рейтинговая позиция страны по уровню электронной готовности правительства включает экспертные оценки уровня развития следующих компонентов: онлайн-сервисов; телекоммуникационных инфраструктур; человеческого капитала. Данные по этим составляющим за 2012 год приведены в таблице 2.

Таблица 2. Индексы компонентов электронной готовности Республики Беларусь и стран региона в 2012 году.

Страна	Уровень развития компонентов индекса электронной готовности правительства		
	онлайн-сервисов	телекоммуникационных инфраструктур	человеческого капитала
Беларусь	0,4118	0,5033	0,9120
Российская Федерация	0,6601	0,6583	0,8850
Украина	0,4248	0,3535	0,9176
Казахстан	0,7843	0,3555	0,9134
Литва	0,6993	0,5765	0,9240
Латвия	0,5882	0,5051	0,8879
Эстония	0,8235	0,6642	0,9085
Финляндия	0,8824	0,7225	0,9467
Чехия	0,5425	0,5151	0,8898
Венгрия	0,6863	0,5677	0,9065

Польша	0,5359	0,4921	0,9044
Болгария	0,4902	0,5006	0,8486
Румыния	0,5163	0,4232	0,8783
Молдова	0,5163	0,3586	0,8129
Коэффициенты достоверности*	0,835	0,5378	0,3603

Источник: E-Government Survey 2012 E-Government for the People Department of Economic and Social Affairs – 160 p. New York 2012, pp. 126-127. Адрес доступа: <http://www.unpan.org/e-government>

и собственные расчеты автора.

* Рассчитывались коэффициенты линейной корреляции данных 1,2 и 3-й граф таблицы 2 с данными графы 3 таблицы 1. Приведены коэффициенты достоверности (Дарбина-Уотсона) этих связей.

Для выяснения, какая из компонент оценки в данной группе стран в наибольшей мере влияет на итоговую рейтинговую оценку, было проведено исследование парной линейной корреляции индекса каждой оценки с местом в рейтинге. Оказалось, что устойчивой (коэффициент Дарбина-Уотсона выше 0,8) является только связь между развитием онлайн-сервисов и местом страны в мировом рейтинге, а уровень развития человеческого капитала, по которому Беларусь опережает большинство стран списка, влияет в наименьшей степени. Возможно, это служит объяснением того, почему Россия смогла вырваться на 27-е место за два года, а Беларусь не смогла существенно повысить свои результаты. Однако для определенного вывода о наиболее эффективном способе достижения высокого рейтинга необходима статистическая проверка данной гипотезы на материале большего количества стран мира.

Оценка положения Беларуси и России в данных рейтингах, с одной стороны, еще не вполне соответствует целям построения информационного общества в Союзном государстве. С другой, нужно сформулировать цели, для достижения которых следует затрачивать финансовые ресурсы в расчете на экономический эффект, а не ради международного престижа. Безусловно, развитие электронной демократии является ценностью, однако цели и средства ее достижения входят скорее в предмет политологии. Для оценки эффективности государственного регулирования экономики в рамках Союзного государства необходимо определить критерии эффективности государственного управления с учетом его экономических целей. Технократические подходы к формированию услуг электронного правительства оправданы в том смысле, что лучшим способом защиты прав и интересов граждан является лучшее исполнение обязательств государства, особенно касающихся обеспечения роста благосостояния населения, экономической

стабильности, национальной и коллективной безопасности. Критерием эффективности Союзного государства, с этой точки зрения, может быть минимизация затрат на бюрократический аппарат, к которым в полной мере надо теперь суммировать затраты на электронизацию государственного управления (в том числе и в сопоставлении с международным уровнем), на максимальный прирост ВВП в результате интеграционных мероприятий, финансируемых из союзного бюджета.

Отечественные концепции применения электронной техники для целей управления экономикой начали развиваться задолго до появления терминов «информационная экономика» и «электронное правительство» и преследовали свои, специфические цели.

Автором и методологом развития электронно-вычислительной техники для обслуживания нужд отечественной экономики был академик В.М. Глушков, который с 1963 по 1982 год возглавлял Совет по внедрению вычислительной техники при ГКНТ СССР. Минув теоретико-методологические вопросы, отметим, что под его руководством был совершен переход от кустовых информационно-вычислительных центров, обслуживавших отдельных пользователей (предприятия, территории, отрасли, территориально-производственные комплексы), к общегосударственной автоматизированной системе плановых расчетов. Всю экономику, несмотря на экспоненциальный рост сложности задач управления по сравнению с ростом самой экономики, удалось подчинить единой электронно-вычислительной сети [12].

Контент информации представлял вторую огромную сложность этой гигантской унифицированной системы управления. Огромное множество самых разных оптимизационных экономико-математических задач было поставлено и решено в Центральном экономико-математическом институте Академии наук СССР под руководством академика Н.П.Федоренко [13]. Для этой цели было развито целое направление экономической науки – экономико-математические методы. Не будет большим преувеличением сказать, что вся экономика планировалась из единого центра, как одно огромное предприятие, в виде одной огромной (многокритериальной оптимизационной) задачи.

Теории, связанные с оценкой влияния информационных ресурсов, продуктов и технологий на социально-экономические и культурно-политические аспекты жизни общества развивались параллельно в западных странах и СССР. Они затрагивали разные вопросы, обслуживали разные интересы, нередко занимали диаметрально противоположные позиции по важнейшим проблемам. Характерной чертой западных теорий была концентрация внимания на стадиях развития информационного хозяйства, и связанных с этим социо-культурных изменениях в ходе развития человечества в зависимости от количественных оценок и измерителей информационного сектора экономики. Они стремились

представить информационное общество как некую совершенно новую стадию развития человечества, а электронное правительство и электронную демократию – как качественный прорыв во всей системе политической культуры общества.

Отечественные теоретики, обслуживая в основном плановую экономику и ее идеологическое обеспечение, акцентировались на технологических проблемах информационного хозяйства, отводя ему целиком подчиненную роль в системе социалистической экономики. Рассматривались проблемы внедрения информационных систем планирования и управления, их оптимизации, качественного и количественного роста, согласования между собой на межотраслевом, территориальном и народнохозяйственном уровнях, развития территориально-производственных комплексов и соответствующих им кузовых информационно-вычислительных центров и прочей вычислительной архитектуры. Рассматривались сверхбольшие задачи оптимизации всей отечественной экономики на год и на пять лет по различным критериям, в том числе: многокритериальному оптимуму, максимизации прибыли, другим. Таким образом, постановка задачи, по существу, электронного правительства в СССР намного опередила западную теорию и практику электронной демократии, что было объективно обусловлено централизацией производства и управления в СССР. Однако это электронное правительство было жестко ограничено, в современной терминологии, G-G модулем или системой информационных взаимоотношений между государственными служащими, то есть замкнуто внутри государственного, партийного аппарата и обслуживающих их научных подразделений. Наиболее заметным принципиальным отличием отечественных концепций роли ЭВТ в управлении был рост централизации управления.

Современные западные концепции описывают информационную экономику как сетевую, децентрализованную, в которой роль электронного правительства состоит главным образом в развитии демократии и росте прозрачности всех процессов управления. Хотя есть и теории, утверждающие, что неизбежно подчинение неорганизованного большинства организованному меньшинству, то есть эра электронной демократии неизбежно сменится эрой ограничения свобод. Об этом свидетельствует и нарастание «цифрового разрыва» между странами и группами стран, и это в условиях, когда информационные технологии признаны одним из ключевых ресурсов современных войн, а сами войны квалифицируются уже как «сетевые».

Современные концепции электронного правительства и практика их реализации в странах СНГ ориентированы главным образом, на C-G (citizen-government) модуль, или взаимоотношения между гражданами и государством. Идеал электронной демократии сформулирован в

официальных документах Всемирного банка и других организаций. Он заключается в растущем участии граждан в принятии решений электронным правительством, но это лишь самая продвинутая стадия, а в настоящее время большинство стран ограничивается предоставлением гражданам электронных услуг и внедрением «принципа одного окна».

Попытаемся свести в таблицу все многообразие различий между западным и отечественным пониманием электронного правительства, хотя в СССР такого термина не существовало.

Таблица 3. Основные различия между западным и отечественным электронным правительством в СССР

	Западное	Отечественное
Главная характеристика электронного правительства	Представительское: сделать функции правительства прозрачными, доступными, понятными гражданам	Командное: дать возможность партии и правительству принимать оптимальные решения, обязательные для всех территорий и субъектов хозяйствования
Содержание документооборота между звеньями электронного правительства	Правовые документы различных ведомств, которые должны быть доступны им всем и гражданам	Статистические данные для расчетов по составлению планов и государственных программ
Функции по отношению к предприятиям	Организация электронной коммерции	Оптимизация производства и распределения общественного продукта
Техническое обеспечение этих функций	Разработка платежных систем	Разработка расчетных систем
Технические условия доступа к электронному правительству	Широкополосный доступ всех граждан к веб-сайтам органов власти	Ограничение доступа к данным узким кругом специалистов плановых органов

Источник: собственная разработка автора

Из таблицы явствует, что Советский Союз находился на высоком уровне развития электронного правительства, хотя и не афишировал свои достижения в этой области и не пытался придать им значение новой эры в мировой истории. В то же время был и принципиально иной путь, который в настоящее время выдается за единственно правильный и возможный.

Противоположность между двумя подходами к электронному правительству была вызвана разными формами собственности и глубокими различиями в государственно-политических системах.

Какие же выводы для Союзного государства мы можем сделать из изучения опыта? Возможно, мы должны взять сильные стороны обеих версий электронного правительства, используя наработки, сделанные в советский период, но не игнорируя необходимость представительной демократии, что послужило одной из причин краха СССР.

Российский исследователь и один из ведущих авторов систем обработки информации для органов государственного управления В.А.Никитов пишет: «Информационную интеграцию систем органов государственной власти можно осуществлять на трех следующих уровнях:

коммуникационного взаимодействия (единое адресное пространство);

процедур сбора, хранения и обработки информации (единый синтаксис – стандарты на интерфейсы взаимодействия и форматы данных);

описания и интерпретации данных (единая семантика – общая инфологическая модель данных).

Источник, где сформулированы эти требования [14], содержит описание отечественного опыта создания автоматизированных систем плановых расчетов, где выкристаллизовались все элементы взаимодействия крупных информационных структур и различных иерархических уровней обработки данных, были наработаны критерии их эффективности.

Таким образом, общее информационное пространство в смысле интеграции систем государственного управления представляет собой единое адресное пространство, единый синтаксис и семантику машинного сетевого общения, а не совокупность СМИ, освещающих союзную тематику. И к этому пространству еще предстоит прийти путем принятия ряда союзных документов, конкретизирующих ранее принятые, об общем информационном пространстве Союзного государства, и их воплощения в электронной инфраструктуре.

Можно высказать предположение, что настоящая электронная экономика и настоящее электронное правительство возникнут тогда, когда произойдет синтез этих двух противоположностей.

В конце XX века была выдвинута теория конвергенции двух систем (Дж.К.Гэлбрейт, лауреат Нобелевской премии в области экономики), которая на базе объективного экономического закона постоянно растущего обобществления производительных сил доказывала неизбежность формирования нового общественного строя, который объединит преимущества плановой и рыночной экономики без их недостатков [16]. Движущей силой этого процесса послужит рост компетенций управляющего слоя и увеличение его численности («революция

управляющих»). Несмотря на то, что в результате распада СССР и мировой системы социализма об этой теории стараются не вспоминать, можно высказать в ее пользу предположение, что материальной основой обобществления производства послужат сети, та самая сетевая экономика, о которой так много писал другой западный теоретик, М.Кастельс.

Характерной особенностью современной экономики является то, что как управляемые, так и управляющие ее объекты представляют собой технологические сети. Сложность сетевой экономики заключается в том, что она не вписывается ни в традиционный контекст централизованно планируемой экономики, ни в стандартное описание рыночной, частнособственнической. Для плановой она слишком свободна, стохастична, оперативно реагирует на текущие изменения, включая научно-технические новшества. Для частной она слишком централизована, огромна, разбросана по всем континентам, способна подчиняться единому замыслу. Возникает потенциальный конфликт, который требует искусства компромисса и точного расчета, что сейчас выгоднее все сторонам.

В качестве примера можно привести современную систему управления российскими энергетическими сетями, в участии в которых Республика Беларусь кровно заинтересована [15]. Можно сказать, что сетевые взаимодействия – полигон для отработки оптимальных схем отношений между государством и бизнесом на принципиально новой, современной информационно-технологической основе.

В настоящее время невозможно говорить об экономической интеграции без объединения важнейших сетей инфраструктуры: энергетической, транспортной, финансовой, СМИ, космической, других. По мнению современных исследователей [17], современная интеграция – это интеграция сетей.

Развитие Союзного государства требует совершенствования информационного обслуживания его функций регулирования экономики. В рамках Союзного государства это понятие включает не только регулирование внешнеэкономических связей, но и создание общего экономического пространства, которое включает в себя информационно-экономическое во всем многообразии связей и отношений. Для этого необходима вся совокупность информации и средств ее обработки, развивающаяся основе единой научно-технической политики государственного информационного ресурса и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, в том числе в органах государственной власти и кредитно-финансовой сфере, а также в научно-технических программах, оборонном комплексе и в области управления критическими технологиями.

Необходимо повышение качества управления союзным бюджетом, союзными программами, интеграционным процессом во всем его многообразии, будь то интеграция “сверху”, то есть договоры и

соглашения, подписанные странами-участницами, или интеграция “снизу”, то есть торгово-экономические связи между хозяйствующими субъектами. Зачастую мы обходимся валовыми показателями роста объемов взаимной торговли, инвестиций, кооперирования между предприятиями разных отраслей, не пытаюсь подсчитать выгоды, которые западные исследователи считают важнейшими для оценки эффективности интеграционных связей: эффект масштаба, мультипликационный эффект, динамические эффекты (влияние на темп экономического роста, научно-технического прогресса), различные spill-over (перелива) эффекты и ряд других.

Для оперативного мониторинга и объективной оценки выгод интеграционных связей, их сравнения с разными альтернативами, требуется продвинутое программное обеспечение, тесно связанное со статистическими базами данных обеих стран. Оно, в свою очередь, требует экономически обоснованных показателей и реализуемых исходя из реально имеющихся данных алгоритмов их расчета, что допускает создание математического обеспечения. Это – государственная задача, стоящая на очереди дня. Для ее реализации требуется защита прав создателей такого обеспечения и адекватная оценка их труда, включающая процент от экономического эффекта, полученного в результате применения расчетов эффективности и сопоставления с альтернативными результатами. Из практики известно, что опыт применения таких оценок, например, в США, в процессе развития бюджетирования, ориентированного на результат, включал и негативные стороны, например, разработчики брали в качестве альтернативных вариантов заведомо неисполнимые или чрезмерно дорогостоящие, и получали завышенную базу для своих вознаграждений. Однако развитые страны накопили и большой опыт по преодолению подобных явлений.

Развитие информационных сервисов субъектов хозяйствования и органов власти сегодня является важнейшим фактором роста качества экономического регулирования, возможности сетевого согласования важнейших решений, оперативному реагированию на возникновение кризисных ситуаций и даже негативных тенденций.

Однако препятствием на этом пути служит низкий уровень оплаты труда сотрудников, занятых в сфере информационного обслуживания управления. Так, средняя ставка заработной платы в ИТ-сфере Беларуси значительно ниже, чем в странах региона (см. таблицу 4).

Таблица 4. Средняя ставка заработной платы в ИТ-сфере в странах Центральной и Восточной Европы,

долл. США в час

Страна	Средняя ставка заработной платы
Словения	32,58

Польша	31,29
Венгрия	30,95
Чехия	30,17
Эстония	30,00
Словакия	28,06
Литва	27,81
Латвия	27,25
Румыния	26,76
Украина	24,24
Сербия и Черногория	24,06
Хорватия	24,01
Беларусь	22,95
Болгария	22,87
Молдова	20,10
Албания	18,00

Источник: Давыденко Е.Л., Аутсорсинг информационных технологий Республики Беларусь // Банкаўскі веснік, ліпень 2012 г., с. 28.

К сожалению, в настоящее время как Республика Беларусь, так и Российская Федерация импортируют объектов интеллектуальной собственности в несколько раз больше, чем экспортируют, судя по данным статистики Всемирного банка [19]. Это связано не в последнюю очередь с исторически сложившимся низким уровнем оплаты труда авторов технических новшеств в наших странах.

Авторы новшеств в системах управления – это и есть те самые эпистемические группы, стоящие около власти, лояльность, ответственность и эффективность которых надо гарантировать. Для этого необходимо и в целом поднять социальный статус их участников, защитить их интеллектуальную собственность, причем делать это надо в рамках союзного законодательства и готовящихся к принятию общих законов об интеллектуальной собственности и информации.

Конвергентные системы управления представляют собой сферу разработки новшеств в социально-экономических отношениях. Представляется, что для совмещения частных и государственных сетей управления необходима разработка новых форм государственно-частного партнерства. Современные исследователи указывают 5 «базовых моделей сотрудничества государства и частного сектора, характеризующихся особыми формами собственности, финансирования и управления»: модель оператора, кооперации, концессии, договорная, лизинга [20]. Чтобы положить эти пять базовых моделей на «музыку сетей», потребуется огромный авторский труд, который, возможно, так же определит лицо XXI

века, как телефоны, автомобили, самолеты, телевизоры определили лицо XX века. И от общественного признания, включая уровень оплаты этого труда, зависит роль и место нашей страны в этом будущем мире.

Таким образом, от признания интеллектуального труда высокопроизводительным, высокооплачиваемым зависит качество управления союзной экономикой и темпами экономического роста союзных стран. Для этого необходимо привести в соответствие с международным уровнем не только законодательство о защите интеллектуальной собственности, но и уровень оплаты труда работников ИКТ-отрасли. Чем быстрее органы власти и законодательство сумеют оценить вклад интеллектуального фактора разработчиков программного обеспечения управлением процессов интеграции, тем успешнее будет развиваться Соединенное государство.

Литература

1. Литвак Н.В. Информационное общество: перманентная эволюция. М.: Колос, 2008. – 416 с.
2. Корнейчук Б.В. Информационная экономика. Учебное пособие. –СПБ.: Питер, 2006.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Пер. с англ. под науч. ред. О.И.Шкаратана; Гос. ун-т, Высш. шк. экономики. – Москва, 2000. – 608 с.
4. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. Москва: АСТ, 2004. – 669 с.
5. Реформа государственного управления: международный опыт/ Отв. ред. Ник Мэннинг, Нил Паррисон. – М., 2003.
6. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organisation. Vol.46. No.1. Knowledge, Power, and International Policy Coordination. (Winter, 1992)/ MIT Press Stable, 1992. pp. 1-35. Цит. по: (7).
7. Ячин С.Е. Смирнова М.Ю. От экспертных сообществ к эпистемическим: к трансформации институциональных рамок знания в современном мире // Информационное общество, №3. – 2012. – с.39-48. – С.45.
8. Lynch K.L. The forces of economic Globalization. Kluwer Law International, 2003. Цит. по: (7).
9. Фамина А.С. Сервисное государство: истоки, теории, элементы практики // Социология власти, №1, 2012, с. 132-140. – С. 39.
10. Идрисова А.Р. Инновирование государственного управления: клиентоориентированные технологии // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012, № 3, с. 38-42, С. 39.

11. E-Government Survey 2012 E-Government for the People Department of Economic and Social Affairs – 160 p. New York 2012, pp. 37-38. Адрес доступа: <http://www.unpan.org/e-government>.
12. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС / Москва: Статистика, 1975. – 160 с.
13. Федоренко Н.П. Россия: Уроки прошлого и лики будущего. – М.: Экономика, 2001. – 489 с.
14. Никитов В.А. Информационное обеспечение государственного управления / Авт. : Никитов В.А., Орлов Е.И., Старовойтов А.В., Савин Г.И.; Под ред. Ю.В. Гуляева. – М.: Славянский диалог, 2000. – 415 с. – С.251.
15. Фортков В.Е. «Умные сети – Умная энергетика – Умная экономика» // Интервью академика В.Е.Форткова по поводу круглого стола, проходившего в рамках IV Петербургского международного экономического форума. URL: http://sergey-sharakhane.narod.ru/Fortov_V_E.pdf.
16. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество: перевод с английского под ред. Иноземцева Н.Н. (вступительная статья). – Москва: Прогресс, 1969. – 480 с.
17. Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции / Москва: Экономика, 2011. – 332 с.
18. Давыденко Е.Л., Аутсорсинг информационных технологий Республики Беларусь // Банкаўскі веснік, ліпень 2012 г., с. 28.
19. World Development Indicators 2010 The World Bank, Washington. USA. – Table 5.13. – pp. 340-342. Адрес доступа: <http://www.worldbank.org>
20. Гаврилко Г.Н. Международный опыт развития государственно-частного партнерства в инновационной сфере: общие тенденции // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XIII Междунар. науч. конф. (Минск, 25-26 окт. 2012 г.). В 3 т. Т.3. / редкол.: А.В.Червяков [и др.]. – Минск : НИЭИ М-ва экономики Республики Беларусь, 2012. – 286 с. – С.13-14.